

ВОПРОСЫ ОБУСТРОЙСТВА ИНТЕРЬЕРА СЛАВЯНО-РУССКОГО ЖИЛИЩА

© 2014 О. Н. Енукова

*канд. ист. наук,
ведущий научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси
e-mail: o.enukowa@yandex.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена анализу строительных приемов и реконструкции одного из вариантов оформления внутреннего пространства жилых домов в славяно-русское время на примере одной из жилых построек, открытых О.В. Сухобоковым на селище у д. Каменное Лебедянского района Сумской области. К числу результатов исследования относится вывод о том, что планиграфическая схема «жилое помещение + голбец» появляется не позднее конца X в.

Ключевые слова: Древняя Русь, жилище, интерьер, голбец.

В воссоздании облика жилья заключается главный смысл изучения древнего домостроительства. В последние годы наблюдается явный рост интереса к этой проблеме, свидетельством чего являются многочисленные публикации с конкретными графическими реконструкциями. Следует, однако, отметить, что детализация интерьера относится к числу наиболее гипотетических результатов такого рода изысканий, тем более, когда речь идет о несколько необычных его элементах. В связи с этим заметный интерес представляет жилище постройки 2 раскопа 2, открытая О.В. Сухобоковым на селище археологического комплекса роменско-древнерусских памятников на р. Псел в с. Каменное Лебедянского района Сумской области [Сухобоков 2012: рис. 39]. С одной стороны, она имеет представительный набор реконструктивных признаков, позволяющих установить основные строительные приемы, использованные при ее возведении, с другой – необычное оформление припечного пространства.

Остатки жилища 2, время бытования которого О.В. Сухобоков относит к XII – нач. XIII в., представляет собой котлован размерами 4,5 x 4,2 м, заглубленный в материк на 0,5 м (рис. 1). Автор исследований, судя по всему, полагал, что реально стенки были выше, но не прослеживались в напластованиях, на что указывают вертикальные пунктиры на чертеже. Отсчет глубины котлована примерно от уровня современной (около 1 м) поверхности выглядит вполне логичным, так как жилище 2 относится к позднему горизонту селища. В юго-западной и северо-западной стенках имелись вырезы со ступеньками, первый их которых автор соотносит с входом, а второй, с долей сомнения, – с «волоковым оконцем», ссылаясь на то, что «аналогичные устройства имели место на других славяно-русских поселениях» [Сухобоков 2012: 76]. Назначение первого выреза не вызывает сомнений, тем более что, как справедливо замечает О.В. Сухобоков, помимо ступенек, здесь по бокам располагались столбовые ямки, без которых сложно было бы закрепить обшивку котлована. В целом следует согласиться и с интерпретацией второго выреза, что, однако, требует некоторых пояснений. В известных на сегодняшний день случаях, как правило, речь идет не о собственно оконном проеме, а о детали интерьера, обеспечивающей доступ к окну.

Такие вырезы начинались заметно выше дна котлована, как это было зафиксировано в классическом примере жилищ Донецкого городища, а также в Горнале [Дьяченко 1991: 39–41, рис. 3–5; Енуков, Енукова 2014б: 172, рис. 4]. Необычно низкое расположение «оконного проема» в Каменном, вполне вероятно, диктовалось стремлением сделать более удобным подход к окну, хотя при этом, несомненно, ослаблялась деревянная конструкция облицовки стенки. Косвенно это подтверждается и заметной, как это указывалось, глубиной котлована. В пользу связи выреза с окном имеется аргумент и «от противного»: вряд ли можно предположить, что в доме имелось два входа.

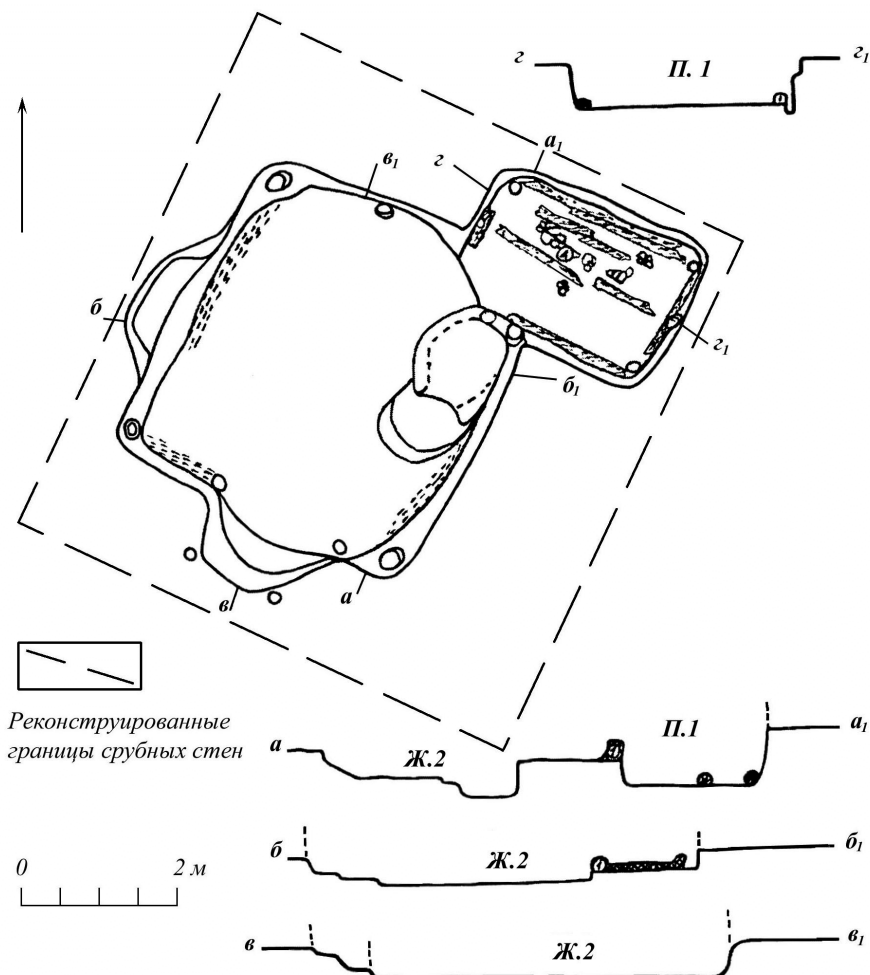

Рис. 1. Каменное, селище, жилище 2 и постройка 1 (по О.В. Сухобокову, с дополнениями)

Глинобитная печь располагалась рядом с северо-восточным углом котлована, а в сам угол немного «заходила» постройка 1. В плане она приближалась к прямоугольнику с размерами 2,95 x 2,05 м. Дно было глубже на 0,2 м относительно уровня «пола» жилья. Жилище 2 и постройка 1 функционировали как единый конструктивный комплекс, так как в ходе расчистки последней были обнаружены три развала круговых сосудов, при этом обломки одного из них присутствовали и в жилище 2 [Сухобоков 2012: 75–79]. Это, хотя и косвенно, подтверждается и планиграфией: оба помещения имеют одинаковую ориентацию, а постройка 1 «вписана» в общую конструкцию таким образом, что за печкой жилища 2 получался полноценный проем входа в хранилище.

О.В. Сухобоков определяет исследованные в Каменном жилища как полуземлянки, стены которых имели каркасно-столбовую конструкцию. Анализу

жилища 1 была посвящена специальная статья, в которой был сделан вывод об использовании при его строительстве схемы из срубных стен, поставленных с отступом от краев котлована [Енуков, Енукова 2014а]. С опорой на выделенные ранее реконструктивные признаки [Енукова 2007: 19–29] есть все основания полагать, что она была использована и в жилище 2 (рис. 2). Так, в пользу этого свидетельствуют вырезы в стенах котлована для обустройства входа и окна, которые должны были находиться внутри помещения. Кроме того, вырез, ведущий к окну, «разрывает» целостность предполагаемой столбовой конструкции. Невозможно замкнуть каркасно-столбовые стены дома и в восточном углу: здесь располагался вход между помещениями, а на стыке северо-восточной стены котлована жилища 2 и постройки 1 отсутствует столбовая яма. Против этой конструктивной схемы свидетельствует и отсутствие следов вертикальных стояков в центральных частях северо-западной и юго-восточной стенок.

Эти наблюдения фактически приводят к выводу о том, что обшивка котлована жилища 2 была выполнена в технике заклада, когда вертикальные столбики прижимали горизонтальные плахи к стенкам. Использование этого приема надежно фиксируется в постройке 1, в которой горелая плаха вдоль северо-восточной стенки явно была заведена за столбик в северном углу. Такая же планиграфическая ситуация отмечена и в южном углу, хотя характер связи облицовки юго-западной стенки со столбиками за печкой неясен. Возможно, здесь использовался отмеченный В.Н. Ковалевским прием зажима, когда плаха, заложенная за расположенные по ее краям столбы, «обвивала» центральный столбик [Ковалевский 2002: 69, 70]. Так или иначе, обшивка обоих котлованов имела ослабленный характер. Такая конструкция не могла возвышаться над землей и «продолжаться» в виде стен.

Таким образом, стены дома могли быть поставлены только с отступом от котлованов жилища 2 и постройки 1 (рис. 1), а отсутствие столбовых ямок на прилегающей территории свидетельствуют в пользу того, что они могли быть только срубными, для чего идеально подходит и относительно ровный рельеф строительной площадки (рис. 2).

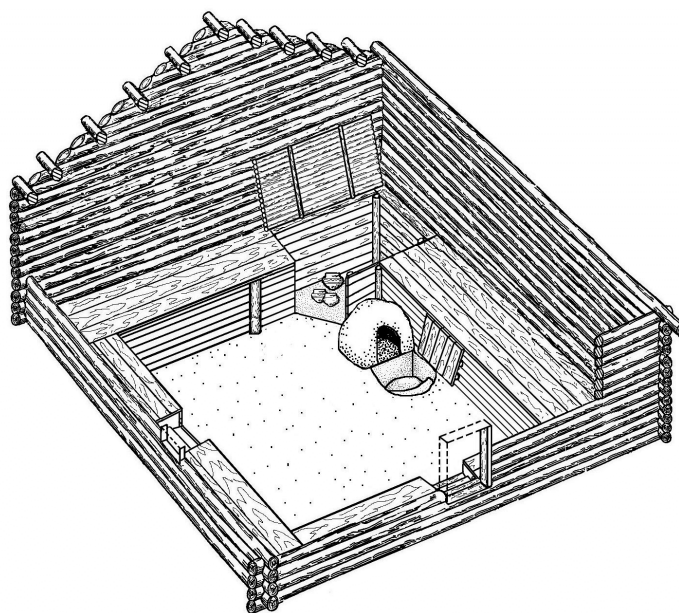

Рис. 2. Каменное, селище, жилище 2 и постройка 1. Реконструкция сооружения

Необходимо обговорить еще одну деталь, использованную при графической реконструкции. За пределами котлована, как бы «ограничивая» снаружи вход,

располагалось две столбовых ямки, которые внешне напоминают косяки дверей. Это, в свою очередь, можно истолковать в качестве признака использования каркасно-столбовой конструкции стен, однако многочисленные указанные выше признаки указывают на сруб. На наш взгляд, здесь присутствует еще один дополнительный признак отступа стен от котлована, позволяющий еще больше «отодвинуть» стену дома. Хорошо известно, что основание дверного проема в срубных домах врезалось не ниже третьего-четвертого венцов [Лысенко 1985: 180–187; Гупало 1981: 148], поэтому выражение переступить «порог дома» изначально имело в своей основе отнюдь не переносный смысл. Если бы стена сруба проходила по краю выреза входа, то человек, перешагнув порог, за счет значительного перепада высот фактически попадал в яму. Судя по всему, ямки соответствуют столбикам, подпиравшим внешнюю часть верхней ступени, ширина которой и позволяет примерно определить линию, по которой проходила стена.

По периметру котлована, за его пределами, получались лавки как неотъемлемые элементы внутренней обстановки дома. Неподвижный наряд в виде лав, полок, стола и конструкций, связанных с печью, в сущности, представлял собой меблировку жилого помещения, созданную в результате решения практических, жизненно необходимых требований быта [Древняя Русь. Город, замок, село 1985: 151; Древняя Русь. Быт и культура 1997: 8; Енукова 2005: 73–78; Ковалевский 2006: 306]. На протяжении многих столетий, вплоть до XX в., у славян сохранялись определенные традиции в обустройстве интерьера, что можно проследить по этнографическим исследованиям. В «наряде избы» вся имеющаяся обстановка, за исключением стола, была врублена в стены. Вдоль стен устраивались неподвижные лавки для сидения и сна: широкая короткая лавка у двери (по другую сторону от двери, чем печь) называлась коник, лавка, идущая от коника к переднему углу, вдоль боковой стены – долгой. Вдоль передней стены располагалась короткая, или красная, лавка [Бломквист 1956: 80, 213; Маковецкий 1962: 74; Харузин 1907: 201, 202; Зеленин 1991: 303–305; Чижикова 1988: 109].

Предложенную реконструкцию дополняет еще один элемент интерьера: перед устьем печи, которое было ориентировано на вход, располагалась припечная яма диаметром 1 м при глубине до 0,5 м. Юго-восточная стенка ямы имела уступ шириной в 0,2 м. Такие ямы в большинстве случаев интерпретируются как места для хранения кухонной утвари, однако в случае с жилищем из Каменного это было очень неудобно из-за расположения такого элемента интерьера непосредственно перед устьем печи. Судя по всему, сюда сгребалась зола, которая в быту древних людей имела весьма широкий спектр применения. На ее основе изготавливали щелок, который использовался как мыло, чистящее средство, отбеливатель для полотна. Вещества, полученные на основе золы, употребляли в народной медицине и в земледелии. Такое расположение ямы предполагает наличие щита-«крышки», без чего доступ к печи был бы крайне осложнен.

Планиграфия жилища из Каменного в целом неординарна из-за примыкающего помещения – постройки 1, однако в отечественной этнографии она хорошо известна. Практически для всех регионов славяно-русского населения отмечается сложность деревянных конструкций при обустройстве печи и примыкающего пространства. Помимо опечка (основание для печи) нередко имелась пристройка сбоку, которую называли голбец, каржина, казенка, лежанка [Бломквист 1956: 80, 218]. Ее изготавливали из досок в виде прямоугольного ящика, высотой с печь или чуть ниже. Вход в пристройку закрывали дверями (иногда «задвижкой»). Если дом располагался на хозяйственном помещении, то внутри голбца устраивали лестницу, ведущую в подклет, а по сторонам набивали полки, на которых хранили припасы. Верхнюю

плоскость хранилища часто использовали для сна [Шангина 2003: 373]. В тех районах, где избы строили с очень низким подпольем (почти наземные), также делали пристройку около печи с дверкой, где, помимо всего, в зимнее время держали домашних животных [Бломквист 1956: 218]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля можно встретить уточнение по поводу местонахождения голбца: «Ино голбец бывает не у входа или полатей, а за перегородкой, в стряпной, за печью» [Даль 1998: 366].

Таким образом, в жилище 2 имелся, судя по всему голбец, который использовался для хранения пищи и, возможно, каких-то продуктов (находки горшков). Судя по завалу горелого дерева в северной половине помещения, хранилище было перекрыто щитом из жердей диаметром 8–10 см.

Пример Каменного, который является достаточно «чистым» ввиду многочисленных признаков реконструкционного характера, очень важен для интерпретации жилищ с аналогичной планировкой, которые на первый взгляд могут являться результатом наложения разновременных объектов. На городище Животинное (Воронежская область) в раскопе 2 была исследована постройка 22, которую А.З. Винников датирует рубежом X–XI вв. [Винников 1984: 26]. Котлован жилища, ориентированный углами по сторонам света, имел размеры 3,8 x 4 м при глубине в материке 0,6 м. В стене котлована, за печкой-каменкой, расположенной в северном углу, была прямоугольная ниша с размерами 1,78 x 0,9 м. Автор исследований отмечал, что этот выступ-пристройка образует с основным помещением единое целое. Перед печью находилась яма неправильной формы с размерами 0,94 x 1,32 м при глубине до 0,4 м. Около стен котлована, кроме северо-восточной, располагались столбовые ямки, оставшиеся от опор, которые придерживали деревянную облицовку. Отсутствие столбовых ямок около печи и наличие выступающей за пределы котлована пристройки позволяют уверенно исключить применение каркасно-столбовой конструкции при возведении дома. Не было ямок и на прилегающей к заглубленной части жилища поверхности, поэтому речь должна идти о срубе, поставленном с отступом от нее.

Еще один пример подобного рода относится к числу «свежих». Летом 2014 г. при стационарных исследованиях экспедицией Курского государственного университета археологического комплекса IX–XIV вв. «Бесединское городище» в Курской области на селище 1 было открыто сооружение 1, которое предварительно датируется в рамках XII в. Котлован прямоугольной формы в плане размером 3,6 x 4,4 м был заглублен в материковый грунт на 1,3 м и ориентирован углами примерно по сторонам света. Южный угол котлована, вплотную к его стенкам, занимала глинобитная печь. У юго-западной стены, за печью, имелась выходящая за пределы котлована «ниша» прямоугольной формы в плане размером 1 x 1,4 м. Ее основание было выше дна основного помещения на 0,4 м. Судя по столбовым ямкам в углах котлована и канавкам в дне, стены заглубленной части жилища были облицованы деревом с применением приема заклада. Вход был обустроен в северо-восточной стене напротив устья печи. Ослабленный характер обшивки, расположение печи вплотную к котловану, а также выступающая за его пределы ниша-голубец вкупе с отсутствием рядом столбовых опор указывают на срубную конструкцию стен, поставленных с отступом.

Имеющиеся материалы приводят к выводу о том, что известная по этнографическим материалам планиграфическая схема оформления интерьера «жилое помещение + голбец» появляется у восточных славян не позднее конца X в., хотя и не относится к числу распространенных.

Библиографический список

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 10–256.

Винников А.З. Отчет о раскопках Животинного городища в 1983 году. Воронеж, 1984 / Научный архив археологического музея Воронежского университета. Р-1, № 52.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.: Русский язык, 1998. 555 с.

Гупало К.Н. Деревянные постройки древнекиевского Подола // Древности среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1981. С. 136–158.

Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М.: Наука, 1985. 432 с.

Древняя Русь. Быт и культура // Археология СССР. М.: Наука, 1997. 369 с.

Дьяченко А.Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировки Донецкого городища в IX – начале XI в. // Археология славянского юго-востока: материалы к межвуз. науч. конф. Воронеж: Воронеж. пед. ин-т, 1991. С. 37–43.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Жилище северянина-костореза из Каменного // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014а. № 1 (29). URL: scientific-notes.ru/pdf/034-001.pdf (дата обращения: 13.07.2014).

Енуков В.В., Енукова О.Н. Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ: Стародавній Світ, 2014б. С. 169–180.

Енукова О.Н. К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: материалы межрегион. науч. конф. Курск, 15–17 ноября 2004 г. Курск: Мечта 2005. С. 73–78.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. / Тр. НИИ археологии юго-востока Руси Курск. гос. ун-та. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. Вып. 1. 220 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Ковалевский В.Н. «Лавки» как деталь интерьера славянского жилища // Археологическое изучение Центральной России: тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. 13–16 ноября 2006 года. Липецк: Липец. гос. пед. ун-т, 2006. С. 306.

Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.

Ковалевский В.Н. Славянские жилища VIII – первой половины XI в. в Днепро-Донском лесостепном междуречье: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 271 с.

Сухобоков О.В. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса у с. Каменное. Киев: Видавництво ТОВ «Аграр Медіа Груп», 2012. 376 с.

Харузин А.Н. Славянское жилище в северо-западном крае. Вильна: Типо-Литография Товарищества п.ф. «Н. Маць и К°», 1907. 341 с.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. Истории и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М.: Наука, 1988. 253 с.

Шангина И.И. Русский традиционный быт: энцикл. слов. СПб.: Азбука – классика, 2003. 685 с.